

А. И. СЕЛИЦКИЙ
Российская Федерация, г. Краснодар

ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVII–XVIII вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Духовные завещания шляхты представляли собой явление двойного характера. С одной стороны, это *частноправовые акты*, имевшие юридическую силу и связанные с вопросами имущественных отношений, а с другой стороны, *источники личного происхождения*, в которых ярко воплощался процесс самосознания личности, особенности менталитета как самого завещателя, так и шляхетского сословия в целом [1, 385, 466–467; 8].

Будучи юридическими документами, духовные завещания фиксировались в т. н. «записовых» актовых книгах различных судов ВКЛ (городских, земских, трибунальских). Они служили важным источником для подтверждения имущественных прав. Их языком был польский – язык привычный и фактически родной для большинства шляхтичей, в том числе и белорусско-литовского происхождения.

После разделов Речи Посполитой многие завещания (как и другие документы) оказались востребованы польской шляхтой для подтверждения своего привилегированного положения. Они подавались в созданные после губернские (наместнические) дворянские собрания, занимавшиеся учетом лиц, имеющих право на дворянство [2, 92–100]. (Сейчас эти документы составляют отдельные фонды Национального исторического архива Белоруссии [4; 5; 6]). Из губернских депутатских собраний отредактированные и переведенные на русский язык дворянские дела направлялись в Санкт-Петербург для рассмотрения в Сенате (впоследствии эти дела образовали фонд Департамента Герольдии Правительствующего Сената, в настоящее время хранящийся в Российском государственном историческом архиве [7]).

Содержание подавляющего большинства исследованных нами завещаний распадается на две логические части: первая – отражает религиозные воззрения завещателя и обращена к Миру Небесному, а вторая – к Миру Земному и посвящена заботе о материальной составляющей человеческой жизни. Большинство из них начинались со слов: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь» (причем сходное начало характерно для духовных завещаний этого же периода в православной России) [3, 128–139]. Затем следует констатация того, что всякий рожденный человек умереть должен, после чего объясняется, почему именно сейчас было решено составить завещание. Чаще причиной является бо-

лезнь или старость завещателя, но при этом обязательно подчеркивается, что завещатель находится в здравом рассудке или при полном присутствии духа.

Следующим пунктом духовных завещаний было объяснение причин, по которым они были составлены: чтобы оставшиеся родственники ни в чем не знали нужды, чтобы между ними не вспыхнула распря по поводу раздела наследства завещателя и т. д. Часто среди пожеланий указывается на недопущение мирских пышностей и величия при погребении. Здесь же распределялись суммы на благотворительные нужды. Данный пункт завещаний является важнейшим источником по изучению похоронно-поминальной обрядности эпохи, а также особенностей христианского мироощущения. Среди основных

распоряжений этого круга можно выделить: достойное погребение по христианскому обряду, совершение богоугодных поступков и поминовение души завещателя.

Затем в завещаниях подробно описывается недвижимое имущество (иногда и движимого), а именно: где оно расположено, от кого и как приобретено, что включает в себя. После этого разъясняется порядок его раздела между родственниками. В случае малолетства наследников указывается имя опекуна, которым чаще называется близкий родич или приятель завещателя. Затрагивая финансовые вопросы, завещатели иногда указывают на те денежные долги, которые остались за ними или которые еще должны им, а также с кем все еще ведется тяжба.

В заключительной части завещатель просит у всех прощения и сам прощает всех родных и близких, после чего фиксируется, где (чаще всего в собственном имении) и когда (иногда за несколько лет до смерти, но иногда и за месяц) было написано завещание, следуют подписи завещателя и приглашенных им свидетелей.

Однако не все духовные завещания полностью вписываются в эту схему. Сохранились завещания, содержащие довольно подробные сведения о повседневности. В некоторых из них можно найти факты многообразных проявлений повседневной жизни (внутрисемейные отношения, связь с родными местами, положение в обществе, сословная принадлежность и т. п.), включая и религиозно-нравственный аспект.

Из духовных завещаний можно также почерпнуть информацию о феодальных землевладениях, о строительстве и существовании на данный период костелов, монастырей, их названиях, фамилиях священников, а также о том, каким святым и их реликвиям поклонялись прихожане, какие вклады делали в церкви и монастыри.

Духовные завещания шляхты XVII–XVIII вв. являются неоспоримым источником информации по многим аспектам социально-политической, экономической и религиозной жизни Великого княжества Литовского. Они отражают такие моменты, как менталитет шляхетского сословия, историческая география, практика наследования имущества, родственные и дружеские связи в шляхетской среде, отдельные элементы системы делопроизводства, а также особенности религиозно-нравственной традиции.

1. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.
2. Думин С. В. Уездные гербовники и первые дворянские родословные книги белорусско-литовских губерний конца XVIII – начала XIX в. // Гербовед. 2002. № 59.
3. Кремлева И. А. Религиозность купечества и других сословий по материалам духовных завещаний // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы. М., 2002.
4. Национальный исторический архив Белоруссии (НИАБ). Ф. 319. Минское дворянское собрание.
5. НИАБ. Ф. 2066. Могилевское дворянское собрание.
6. НИАБ. Ф. 2512. Витебское дворянское депутатское собрание.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Департамент Герольдии Правительствующего Сената.
8. Aleksandrowicz-Szumlikowska M. Radziwiłłówny w świetle swoich testamentów. Przyczynek do badań mentalności magnackiej XVI–XVII wieku. Warszawa, 2003.